

Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования¹

The role of discourse markers in local discourse structure: a corpus study

Подлеская В. И. (podlesskaya@ocrus.ru)

Российский государственный гуманитарный университет

Кибрик А. А. (aakibrik@gmail.com)

Институт языкознания РАН

На материале корпуса с просодической разметкой исследуется характер интеграции дискурсивных маркеров в иерархическую, линейную и просодическую структуру устного рассказа. Разграничиваются случаи автономного употребления дискурсивных маркеров и случаи, когда маркер встроен в объемлющую пропозиционную единицу.

1. Введение

В данной работе исследуется характер интеграции в иерархическую, линейную и просодическую структуру устного рассказа дискурсивных маркеров — незначительных слов или словосочетаний, регулирующих дискурсивный процесс между говорящим и адресатом (см. Schiffrin 1987, Fraser 1999, Schouroup 1999, Баранов и др. 1993, Киселева, Пайар (ред.) 1998, Дараган 2000). Исследование опирается на данные устного корпуса «Рассказы о сновидениях». Одновременно с обсуждением особенностей поведения этого класса слов мы сформулируем определенные конвенции, которые мы предлагаем использовать для его отображения в дискурсивной транскрипции — системе последовательной графической репрезентации устной речи. Работа является частью более объемного корпусного проекта, с результатами которого можно ознакомиться в книге Кибрик и Подлеская (ред.) 2009.

2. Дискурсивные маркеры и элементарные дискурсивные единицы

В используемой нами системе представления локальной структуры дискурса центральную роль играет понятие элементарной дискурсивной

единицы. Элементарная дискурсивная единица (ЭДЕ) — это квант устного дискурса, минимальный шаг, при помощи которого говорящий продвигает дискурс вперед. Понятие ЭДЕ подробно обосновывается в книге Кибрик и Подлеская (ред.) 2009. Здесь достаточно отметить, что ЭДЕ идентифицируются в первую очередь на просодических основаниях — при помощи таких критериев, как наличие единого тонального контура, одного главного акцента, темпового и громкостного паттернов, а также паузации. С семантико-синтаксической точки зрения прототипическая ЭДЕ представляет собой клаузу, но в особых (и нередких) случаях ЭДЕ может быть по объему как меньше, так и больше клаузы. В транскриптах устного дискурса, которые читатель увидит в примерах ниже, ЭДЕ графически изображаются как строки. Самый своеобразный тип ЭДЕ, меньших, чем клауза — это регуляторные ЭДЕ (термин из книги Chafe 1994: 63ff.). Функционально регуляторные ЭДЕ отличаются от всех других тем, что они не несут пропозициональной информации и состоят из дискурсивных маркеров, функции которых находятся в сфере организации и регулирования дискурсивного потока. Так, примером регуляторных ЭДЕ (хотя и нечастым в корпусе «Рассказы о сновидениях») являются так называемые «актуализаторы», например да/нет; см. исследование этого феномена в работе Земская (ред.) 1973: 349–365. Одна из функций этого класса дискурсив-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 08-04-00165а.

ных маркеров — эшелонировать поток речи, периодически запрашивая у адресата подтверждение, что соответствующая информация поступила своевременно и понята правильно:

(1) 017z²

- 7.1 4. (*Ну у нас в де-е= в \деревне /дом такой,
- 9.0 5. /да ,
- 9.2 6. ..(0.3) {ЧМОКАНЬЕ 0.2}
..(0.2) вот /здесь \дверь,
- 10.5 7. ра= || раньше была на /улицу,
- 12.0 8. там \ступеньки.

В предлагаемой нами системе дискурсивной транскрипции, дискурсивные маркеры с регуляторной функцией отделяются в особую строку, т. е. считаются отдельной ЭДЕ, если они акцентированы и не расположены внутри синтагмы с пропозициональным значением. Оба эти условия являются необходимыми: если хотя бы одно из них не выполняется (т.е. маркер не акцентирован и/или расположен внутри синтагмы), он не считается отдельной — регуляторной — ЭДЕ. В следующем примере в строке 17 дискурсивный маркер значит не имеет акцента и расположен внутри синтагмы с пропозициональным значением, в данном случае — между подлежащим и сказуемым клаузы, объединенной единым просодическим контуром; поэтому маркер значит не выделяется в особую ЭДЕ. И напротив, строки 21 и 22 — это регуляторные ЭДЕ ну значит и в целом, включающие акцентированные дискурсивные маркеры:

(2) 091n

- 24.6 17. Я значит /обозлилась,
- 25.5 18. и \кричу:
- 26.2 19. «\Зачем вы его /кормите там?,
- 27.4 20. туда \утягиваете?».
- 28.5 21. ....(1.6) /\Ну значит,
- 30.5 22. в \целом,
- 30.9 23. такая \тётка на меня /посмотрела,

Вместе с тем, сформулированные выше два условия не являются достаточными для того, чтобы дискурсивный маркер мог сформировать регуляторную ЭДЕ. Для этого требуется еще, чтобы между ним и соседними синтагмами имелись просодические

² Здесь и далее в заголовке примера указывается номер того рассказа в корпусе «Рассказы о сновидениях», из которого взят данный пример. В начале каждой строки примера указывается время ее начала в секундах (отсчитывая от абсолютного начала рассказа), а затем номер данной ЭДЕ в рамках рассказа. Числа в скобках обозначают длительность пауз в секундах. При необходимости строка может сопровождаться неформальным комментарием транскрайбера, для этого используется четвертая, дополнительная колонка транскрипта. О других конвенциях дискурсивной транскрипции см. Кибрик и Подлесская (ред.) 2009.

симптомы границы ЭДЕ: начало движения тоновой кривой с уровня решета, относительное изменение темпа и громкости и ряд других. Если транскрайбер сомневается в наличии просодического «шва», то действует дефолтное правило не отделять дискурсивный маркер.

3. Автономизация дискурсивных маркеров

Дискурсивные маркеры в разной степени склонны к автономизации, т. е. к формированию отдельных регуляторных ЭДЕ (см. наблюдения Н. Н. Розановой (1983) о так называемой «динамической неустойчивости» несамостоятельных слов в разговорной речи и сходные рассуждения в Francis, Hunston 1992:159 о том, что просодическая автономность слов типа *well* в английском языке может в существенной степени варьировать).

Так, например, вариативным поведением обладают дискурсивные маркеры, сигнализирующие об эмоциональной реакции говорящего на неожиданно возникшие трудности вербализации или обнаруженную в своей речи ошибку, нуждающуюся в исправлении. Такими маркерами являются, например, ой, фу и ряд других единиц, в основном, междометийного характера. Слова этого класса могут формировать отдельную регуляторную ЭДЕ, отделенную от соседних пропозициональных ЭДЕ выраженными просодическими границами — как в примере (3), но могут и встраиваться внутрь пропозициональной ЭДЕ, утрачивая просодическую автономность, — как в примере (4):

(3) 022z

- 31.2 12. ....(1.4) ээ(0.2)
Он \пош^е-ол,
- 33.6 13. ... (0.5) Междометие произносит
ээ(0.2) \о-ой-й, приблизительно как эйхь
и слегка в нос, выражая до-
саду по поводу возникшей
трудности вербализации.
- 34.6 14. ..(0.4) я-а уже
- 36.2 15. я забыл \отош^ел,

(4) 009z

- 29.2 12. ... (0.8) И ..(0.3) После союза и в паузе шум-
с-с ....(1.2) когда ный вдох, а затем с-с —
я /вышла, импלוзивный свист меж-
дометийного характера —
как сигнал затруднения.

Продемонстрированные выше маркеры эмоциональной реакции на речевой сбой, актуализаторы типа да/нет, маркеры перехода к обобщению типа в целом, представлены в корпусе единичными случаями. Тем самым, они позволя-

ют охарактеризовать феномен относительной автономизации лишь с качественной стороны. Для того чтобы дать представление о количественном распределении автономизированных и неавтономизированных дискурсивных маркеров, в следующих разделах мы обратимся к двум наиболее частотным дискурсивным маркерам в корпусе — частицам *во*т и ну.

4. Вариативность автономизации маркера *во*т

Самым частотным дискурсивным маркером в нашем корпусе является *во*т (см. Кобозева 2007 о значениях этой частицы). Всего в корпусе имеется 437 вхождений слова *во*т. Из них 257 вхождений являются неакцентированными, см следующий пример, где в составе одной ЭДЕ имеется три неакцентированных *во*т:

(5) 127п

17.0 9. ... (0.5) И /меня при этом /провожала
во^т /вся во^т эта во^т моя \семейка.

Такие употребления дискурсивного маркера *во*т не связаны с образованием регуляторных ЭДЕ. Далее, в 8 случаях слово *во*т используется не как дискурсивный маркер, а как указательная частица. В этих употреблениях *во*т входит в состав клаузуальной ЭДЕ, а также является ее акцентным центром — на нем располагается несущий (главный фразовый) акцент:

(6) 077п

39.6 26. .... (1.4) \во^т что я чувствовал.

Разумеется, подобное употребление *во*т по просодическим и синтаксическим причинам не может быть выделено из состава ЭДЕ и, тем самым, не образует отдельной регуляторной ЭДЕ (хотя и удовлетворяет сформулированным выше необходимым условиям — находится в левой периферии синтагмы и является акцентированным).

В оставшихся 172 вхождениях *во*т мы имеем дело с регуляторной ЭДЕ, состоящей либо из единичного *во*т (153 случая), либо реже (в 19 случаях) из *во*т в сочетании с ну. За редкими исключениями *во*т в этом качестве реализуется с нисходящим, ровным или нисходяще-ровным акцентом (158 случаев из 172). Регуляторные ЭДЕ, основанные на дискурсивном маркере *во*т, представляют собой самую большую группу регуляторных ЭДЕ в корпусе. Из 172 случаев регуляторного, т. е. автономного, употребления этого маркера он дважды употреблен в особой функции — как средство передачи угрозы и осуждения в чужой речи:

(7) 128п

47.9 39. ... (0.7) \тоже на меня' /посмотрела,
49.7 40. «\во^т!
Я теб^я /-в-выгону-у и-из-зз ... (0.2) этой из ш=
49.9 41. ... (0.2) 'из ... (0.2) ' /школы!»

Изысканность этого употребления состоит в том, что цитирование происходит в форме прямой речи, однако сам маркер не мог принадлежать исходной реплике — при непосредственном выражении угрозы в диалогическом режиме *во*т употреблено быть не может. Таким образом, маркер *во*т, подобно более нейтральным маркерам чужой речи типа *мо*л, может служить средством перевода прямой речи в «несобственно-прямую». Заметим при этом, что *мо*л — в отличие от *во*т — не способно к автономизации, эта частица никогда не акцентируется и всегда встроена в пропозициональную ЭДЕ. Еще одно важное обстоятельство состоит в том, что средством передачи угрозы и осуждения в чужой речи является даже не сам маркер *во*т, а реализуемая на нем особая просодическая фигура с восходяще-нисходящим тоном. Эта же фигура, с тем же значением, может реализоваться и на ряде других маркеров, например, на частице *а*, тоже способной к автономному употреблению. В следующем примере эти два маркера образуют две последовательных регуляторных ЭДЕ:

(8) 128п

20.5 19. ... (0.7) 'И \каждое н-на \меня=
22.2 20. ... (0.1) «\А-а!
22.7 21. \во^т!
23.0 22. Ты \двоечница!
23.9 23. \С-смотри на своих оценки!»

Во всех остальных случаях, за исключением вышеупомянутых, функцию автономно употребленного маркера *во*т можно определить как делимитативную — указание на то, что некоторый дискурсивный фрагмент (ЭДЕ или группа ЭДЕ) завершен, и говорящий переходит к следующему (Дараган 2000, 2003, Прокуровская 1977, Васильева 1964). Так, в примере ниже *во*т маркирует возвращение к основной линии повествования после отступления, или вставки (строки 15–17 в скобках):

(9) 054z

23.8 14. .... (1.4) /потом подъехали к \пляжу,
26.3 15. ... (0.5) (/Я вообще плавать не \уме-юю.
28.1 16. ... (0.4) Не \умела тогда,
29.3 17. когда мне это \снизлось.)
30.2 18. .... (1.0) \во^т,
31.5 19. и-и' .... (1.1) /я почему-то \поплыла.

Делимитативная функция единиц этой группы проявляется, в частности, и в том, что они могут становиться локсом хезитации. Косвенно об этом

свидетельствует тот факт, что в 163 случаях из 172 употреблений *во*т и ну *во*т в качестве регуляторных ЭДЕ им предшествует пауза, притом, что в половине случаев пограничная пауза **после** этих регуляторных ЭДЕ отсутствует. Кроме того, в 62 случаях имеется удлинение ударной гласной (*во-от*) и/или начальной согласной (*в-во*т), скорее всего также хезитативного характера:

(10) 050z

- 54.8 30. ....(1.4) Но' ..(0.3) они всё же /доехали,
- 57.9 31. /я' ..(0.2) тоже оказалась на первом /этаже ,
- 59.9 32. ....(1.4) \в-вот,
- 61.8 33. ..(0.3) и-и' ....(1.0) \встретили мы этих ..(0.1) двух /девочек ,

(11) 100п

- 26.5 19. ..(0.3) /\я-аа ..(0.1) с= || \/\поняла-а ,
- 28.1 20. ..(0.2) что это \па-апа-а.
- 29.4 21. ..(0.4) Ну \во-от.
- 30.4 22. ..(0.3) 'О= || /'открыла ему \/\две-ерь.

5. Вариативность автономизации маркера ну. Сравнение ну и вот

Вторым по частотности дискурсивным маркером, формирующим регуляторные ЭДЕ в нашем корпусе, является ну. Эта частица имеет весьма широкий спектр значений (см., например, Баранов, Кобозева 1988, Дараган 2000, 2002, 2003, Шмелев 2004, 2005 и др.), инвариантом которых, по мнению А. Д. Шмелева (2004), является «вынужденное говорение», т. е. говорящий сигнализирует о том, что его высказывание мотивировано условиями конкретной речевой ситуации, известными адресату речи, и выражает установку на взаимопонимание и кооперацию. Частица ну в нашем корпусе, как и частица *во*т, может выступать и в составе пропозициональных ЭДЕ, и формировать отдельную регуляторную ЭДЕ, однако она гораздо в меньшей степени, чем частица *во*т, склонна к автономизации. В таблице 1 показано сравнительное распределение акцентированных и неакцентированных употреблений этих частиц в составе ЭДЕ.

Таблица 1. Употребления частиц *во*т и ну в корпусе

	Без акцента	С акцентом			Всего
		Отдельная ЭДЕ	Внутри другой ЭДЕ	Всего	
<i>во</i> т	257	172	8	180	457
ну	200	30	57	87	287

Как видим, доля акцентированных употреблений от общего числа вхождений сопоставима для *во*т (39%) и для ну (30%), однако отдельную регуляторную ЭДЕ формируют лишь 34% акцентированных употреблений ну (30 из 87), тогда как для *во*т эта цифра составляет 95% (172 из 180).

Частица ну в качестве отдельной регуляторной ЭДЕ, как правило, реализуется с нисходящим, восходяще-нисходящим или ровно-нисходящим акцентом (24 случая из 30) и сигнализирует о хезитации и поиске вербальной формы («ну поиска» согласно работе Баранов, Кобозева 1988). Например:

(12) 115п

- 26.2 21. ..(0.4) папы /нет,
- 27.2 22. а ==
- 27.5 23. ... (0.5) \нуу ,
- 28.4 24. ..(0.3) мне почему-то казалось
- 29.5 25. что я должна всё /решить ,

В качестве неавтономного маркера поиска употребляется в нашем корпусе и большинство акцентированных ну в составе пропозициональной ЭДЕ, если они размещены не в ее абсолютном начале. В этой позиции они также реализуются преимущественно с нисходящим, восходяще-нисходящим или ровно-нисходящим акцентом (26 случаев из 28). Такие ну обычно соседствуют с другими симптомами речевых затруднений — заполненными паузами, повторами, самоисправлениями:

(13) 023z

- 2.0 3. и /подружился как будто с одн-ной де= ..(0.1) -\ну-у ..(0.3) -\девочкой.

И, наконец, особый класс — и по просодии, и по функции — составляют случаи употребления акцентированной частицы ну в абсолютном начале синтагмы, но без просодического шва после частицы. В таких контекстах частица ну является сигналом «естественного вывода» с апелляцией к известным слушателю обстоятельствам, ср. упомянутые выше работы А. Д. Шмелева (2004, 2005) и Ю. В. Дараган (2000, 2002, 2003), и реализуется преимущественно с восходящим, восходяще-ровным или ровным акцентом. В таких случаях, согласно принятой нами конвенции, частица не выделяется в особую ЭДЕ, т. е. признается неавтономной:

(14) 126п

- 16.1 12. и он начал ещё -больше меня \унижать.
- 18.0 13. ....(1.5) То есть ещё \хуже!
- 20.8 14. ....(1.2) -Вот,
- 22.3 15. /ну я естественно вот быстро /ушла ,

(15) 119п

- 32.6 22. ... (0.8) '(0.4) У меня в /школе вот сейчас мне дали классное \руководство.
 35.8 23. .. (0.4) Мне дети /завопили,
 37.1 24. .. (0.4) «Нам Алёну /И-игоревну!»
 38.4 25. Нам Алёну /И-игоревну!»,
 39.3 26. ... (0.7) /ну –пришлось...

Отметим, что в связи с тем, что наш корпус ограничен жанром личного рассказа, в нем не встретились такие автономные употребления частицы ну, как, например, ответные реплики согласия /подтверждения (Ты, оказывается, уже все сделал! — Ну! [= А ты как думал!]), более характерные для диалогического дискурса.

6. Заключение

Итак, дискурсивные маркеры в разной степени склонны к автономизации, т. е. к выделению в особую, регуляторную, ЭДЕ. Вариативное поведение, сходное с «ну поиска», демонстрируют, например, такие показатели речевых затруднений, как маркеры препаративной подстановки типа это, это самое, как его (см. о них подробнее Подлеская, Кибрик 2006, Podlesskaya 2006, 2007, In press). Они могут выступать и в составе пропозициональной ЭДЕ, как в примере (16), и автономно, как в примере (17):

(16) 070п

- 64.7 23. .... (2.8) 'И-и .... (3.0) онн .... (1.4) \это .. (0.3) каким-то .... (0.5) 'образом убежал в \Монголию.

(17) 016z

- 0.0 1. /Мы с мамой поех= ==
 0.9 2. ... (0.9) \Это,
 2.0 3. /мы с мамой поехали в А'= ==
 3.3 4. ... (0.5) /Мне приснился /сон,
 4.6 5. будто мы с /мамой поехали в \Аме-ериду.

Литература

1. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: ИВАН СССР, 1988.
2. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
3. Васильева А. Н. Частицы разговорной речи. М.: Изд-во Московского университета, 1964.

С другой стороны, имеются маркеры, которые практически всегда выступают в безударном варианте и не формируют регуляторных ЭДЕ. Такова частица там — «маркер несущественной детали» (Шмелев 2007). Под номером (19) ниже приведен полностью короткий рассказ о сновидении, в котором представлено восемь безударных вхождений этой частицы (девятое вхождение, в строке 9 — это не частица, а акцентированное указательное местоимение):

(18) 019z

- 0.0 1. /\Сон снился,
 0.5 2. как яв .... (1.3) в \классе был,
 2.9 3. .. (0.2) там и про класс про /-школу...
 4.3 4. про' || .. (0.3) про /-друзей...
 5.5 5. ... (0.7) /Ну я там /помню,
 6.9 6. .. (0.2) что-о' я там ... (0.9) ну с моим /-другом ... (0.5) \разговаривал я'...
 11.0 7. .... (2.9) Ну –вот,
 14.2 8. /потом || ... (3.4) ну –потом мы там ... (3.0) чего-то на \физкультуре были,
 22.9 9. \играли там.
 23.5 10. .... (1.4) Ну \вот .. (0.1) чего-то'.
 25.8 11. .... (2.4) /Ну мы там вот \так:
 29.1 12. ... (0.7) \школа там,
 30.4 13. я /класс' || .. (0.1) –класс <ну вь=> .. (0.1) <НРЗБЗ> видел вот \там...
 32.6 14. ... (0.7) там /-друзе-ей...

Таким образом, можно заключить, что принципиальная способность или неспособность к автономизации является индивидуальным, словарно закрепленным свойством того или иного дискурсивного маркера, тогда как реализация этого свойства определяется конкретными контекстными условиями. Поведение незначительной лексики в спонтанной речи — это интересный, но пока недостаточно разработанный сюжет дискурсивных исследований, и мы надеемся, что просодически размеченный корпус может сыграть важную роль в изучении функций такого рода единиц.

4. Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог'2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы, 2000. С. 67–73.
5. Дараган Ю. В. Риторическая структура текста и маркеры порождения речи // Труды Международного семинара «Диалог'2002» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы, 2002. С. 114–127.

6. Дараган Ю. В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2003». Протвино, 11–16 июня, 2003 г. М.: Наука, 2003. С.166–178.
7. Земская Е. А. (ред.) Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973.
8. Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.) Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 2009.
9. Киселева К. Л., Пайар Д. (ред.) Дискурсивные слова русского языка. М.: Метатекст, 1998
10. Кобозева И. М. Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова вот) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007». Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г., 2007. С. 250–255.
11. Подлесская В. И., Кибрик А. А. Коррекция в устной монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении, 12-2, 2006. С. 7–55.
12. Прокуровская Н. А. Незнаменательная лексика в русской разговорной речи (состав и функции). Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Саратов, 1977.
13. Розанова Н. Н. Суперсегментная фонетика // Е. А. Земская (ред.) Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 5–79.
14. Шмелев А. Д. «Заполнители пауз» как коммуникативные маркеры // Жанр интервью: Особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге. Tampere (= Slavica Tamperensia VI), 2004. С.205–222.
15. Шмелев А. Д. Показатели хезитации в устной русской речи // Язык. Личность. Текст. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: ЯСК, 2005. С. 518–529.
16. Шмелев А. Д. Частица там как маркер «несущественной детали» // Язык как материя смысла. Сб. ст. к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой. М.: ИЦ Азбуковник, 2007. С. 208–218.
17. Chafe W. Discourse, consciousness, and time. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
18. Francis G., Hunston F. Analysing everyday conversation // M. Coulthard (ed.) Advances in spoken discourse analysis. L.: Routledge, 1992. P. 123–161.
19. Fraser B. What are discourse markers? Journal of Pragmatics, 31, 1999. P. 931–952.
20. Podlesskaya V. Speech disfluencies as a window on syntax: Demonstratives as hesitation markers // Syntax of the World Languages (SWL2). September 14–17, 2006, Lancaster University, UK, 2006. P. 42.
21. Podlesskaya V. I. Parameters for typological variation of placeholders // 10th International Pragmatics Conference. Goteborg, Sweden, 8–13 July 2007. Abstracts. International Pragmatics Association, 2007. P. 26.
22. Podlesskaya V. I. In press. Parameters for typological variation of placeholders // N. Amiridze, B. Davis (eds.) Fillers in discourse and grammar. Amsterdam: John Benjamins.
23. Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
24. Schouroup L. Discourse markers // Lingua, 107, 1999. P. 227–265.